

Научная статья
УДК 94(571.5):39(5)
DOI: 10.18101/2305-753X-2021-2-28-38

АНТИГОНЫ ИЗ ЗАБАЙКАЛЬЯ. СПЕЦИФИКА ЖЕНСКОЙ СЕМЕЙНОЙ ПАМЯТИ В ПРИГРАНИЧНЫХ РАЙОНАХ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ

© **Пешков Иван Олегович**

Ph.D., директор Центра среднеазиатских исследований,
Университет им. Адама Мицкевича
Польша, 61-712, г. Познань, ул. Венявского, 1
ivanpeshkov2007@yandex.ru

Аннотация. Раннесоветская репрессивная политика по отношению к приграничному населению в Забайкалье привела к рассеянию забайкальских казаков, потере их культурной базы, уменьшению их численности и распаду сообщества. Реакцией трансграничного общества бывших казаков в СССР, Китае и Монголии стала альтернативная память о событиях гражданской войны, включая прославление антикоммунистических восстаний и атамана Семенова как главного символа сопротивления. Следует отметить, что несмотря на патриархальную и милитаризованную культуру казаков Забайкалья, практики альтернативной памяти имели своеобразную гендерную специфику. Парадоксально, но забайкальская казачья контрпамять — это в основном женский проект. Травма социалистической модернизации поставила казачек перед дилеммой Антигоны: выбором между семьей (память) и государством (вынужденное забвение). Цель данной статьи — показать специфику женской памяти в перспективе контекста (семейная жизнь, религия и местные социальные сети), женской перспективы и ожидаемой роли в сообществе (говорить правду). Навязывая доминирующему сообществу словарь «женской перспективы» и акцентируя собственное право на альтернативную память, жительницы Забайкалья превратили неразрешимый конфликт идеологий в трагедию личного, локального и укорененного. Эта стратегия может многое рассказать про возможности политического действия в закрытых обществах, подверженных политическому насилию. Возможность политического сопротивления никогда не исчезает полностью, даже в условиях разрушения экономической и социальной базы сообщества. При написании статьи использовались материалы полевых исследований, проведенных осенью 2013 г. и осенью 2014 г. в Читинской области.

Ключевые слова: женская память, исследования границ, забайкальские казаки, Забайкалье, Внутренняя Азия, атаман Семенов, антигона, примирение.

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке Национального центра науки (Польша) (грант номер DEC 2012/05/E/HS3/03527)

Для цитирования

Пешков И. О. Антигоны из Забайкалья. Специфика женской семейной памяти в приграничных районах Внутренней Азии // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2021. Вып. 2. С. 28–38.

*Все семеновцы как люди вне закона
подлежат беспощадному истреблению.
Указ Центросибири. 1918*

Связь языка и окружающего мира является базовой проблемой социальных наук, не решаемой в рамках простой оппозиции между референтным и перформативным характером описания мира (Агамбен, 2018; Benveniste, 1966). Проблема еще более усложняется, когда речевые практики направлены на прошлое: непосредственное физическое отсутствие референта (прошлого) приводит к попыткам приближения прошлого через сложные лингвистические конструкции, связывающие прочтение существующих следов, проекции причинности и эмоциональные установки в относительно непротиворечивое целое. Сочетание бедности средств репрезентации и бесконечности невыражаемого является универсальным и не связано напрямую с эпохой эпистемологических сомнений и окончанием больших нарративов. Общества, контролирующие память в рамках заданных жестких телеологических перспектив, неизбежно сталкивались с границами контроля как над языком репрезентации прошлого, так и над контекстами его понимания (Zalejko, 1994). Советское общество не было исключением. Сокращение доступных обществу средств репрезентации травматического прошлого парадоксально приводило к появлению новых форм репрезентации, творчески использующих официальные дискурсивные формы для собственных целей.

Девушка, отказывающаяся государству в праве на забвение памяти о своих близких со времен Софокла, является одним из ключевых тропов осмысления последствий прерывания молчания в ситуации гражданского противостояния. Хотя сами греки ценили политическую амнезию как инструмент примирения после гражданской войны, пример Антигоны на многие годы стал символом бессилия государства перед человеком, отказывающимся забывать. Исследования женских свидетельств травматического опыта, связанного с репрессиями, депортациями и ссылками, дают нам возможность по-новому взглянуть на трагические страницы истории. Как видела, что чувствовала, как пыталась восстанавливать запрещенную память «великая незнакомка» исследований Внутренней Азии, часто незамеченная в тени политической истории и связанной с ней идеологической перспективы? Следует отметить, что тоталитарные режимы XX в. расширили пространство политического, включая в него любые формы альтернативной памяти, несогласие на исчезновение родственников и собственные версии истории региона. Это тотальная зачистка любых форм альтернативного прошлого имела своей целью ликвидацию воли к памяти, добровольное принятие официальных версий и согласие на официальный идеологический язык. Исследования инакомыслия в социалистических странах показывают, что цель эта никогда не была достигнута и борьба за собственное прошлое никогда не прекращалась. Обращение к свидетельствам женщин из периферийных приграничных сообществ может дать возможность расширить общую картину сопротивления и показать «женское лицо» контрпамяти. Исследования альтернативной памяти делают акцент на сохранении и во многом деполитизируют высказывания о прошлом, удивляясь способности социалистического государства находить политику в самых невинных речевых актах. Можно предложить другую перспективу, резко меняющую оценку как альтернативной памяти, так и женской дееспособности. В

условиях мира, возникшего после гражданской войны, альтернативная память является отрицанием навязанного символического порядка и во многом является заявкой на права и позиции, забранные поражением.

Женщина, оспаривающая право власти на запрет памяти и погребения павших, является примером эффективного политического действия, сотрясающего установленный порядок (Straus, 2013). Политические аспекты женской контрпамяти будут представлены в контексте перформативного освоения травмы гражданской войны. Перспектива «стратегии Антигоны» является здесь ключевой, женская память, несмотря на свой локальный и примирительный характер, будет рассмотрена здесь как политический акт. Женские истории обходят конфронтацию, но при этом окончательно легитимируют участие в ней в роли «врага». Навязывая доминирующему сообществу словарь «женской перспективы» и акцентируя собственное право на альтернативную память, жительницы Забайкалья превратили неразрешимый конфликт идеологий в сложное переплетение частного и общественного, отпорное на атаки идеологии. Эта стратегия может многое рассказать про возможности политического действия в закрытых обществах, подверженных политическому насилию. Возможность политического сопротивления никогда не исчезает полностью, даже в условиях разрушения экономической и социальной базы сообщества. В этой перспективе женские стратегии контрпамяти заслуживают самого пристального внимания. При написании статьи использовались материалы полевых исследований, проведенных осенью 2013 г. и осенью 2014 г. в Читинской области.

Великая казачья катастрофа и ее наследие в Забайкалье

В исторической памяти жителей Забайкалья достаточно большую роль играют события гражданской войны, особенно связанные с деятельностью атамана Семенова и его сторонников (Peshkov, 2012). Следует заметить, что локализация в приграничном регионе и связь событий гражданской войны с процессами эмансипации монгольских народов и сложной судьбой «российской Маньчжурии» привели к заметному растягиванию пространства (Монголия и Маньчжурия) и времени (практически до 1945 г.) травматических событий. В данном регионе актуальность этих событий связана не только с дискурсом легитимизации советских (и постсоветских) государственных институтов (стандартная функция дискуссий о гражданской войне), но и с особенной ролью, которую сыграла черная легенда атамана в Забайкалье. Революция расколола Забайкальское казачье войско на два непримиримых лагеря, превращая представителей казачьего сословия в регионе одновременно в одну из самых заметных групп в строительстве ДВР (Саблин, 2020) и символ контрреволюции. Именно «великая казачья катастрофа», затронувшая практически каждую семью, привела не только к многолетней жесточенности, но и достаточно аффективным способам переживания истории гражданской войны в регионе как последней и решающей битвы добра со злом. Смена политической компоненты семейной памяти (с антисоветской на советскую и с советской на антисоветскую) не меняла этой эмоциональной компоненты. После победы коммунистов значительная часть забайкальских казаков в Забайкалье, Монголии и Внутренней Монголии негативно восприняла политику декаказизации региона. Опираясь на забайкальских казаков, баргутов и харчин-монголов Хулунбуира, Г. М. Семенов свергает просоветское правительство и одновременно пытается реализовать две модели политической власти: времен-

ной военной диктатуры с декларацией возвращения к республиканской форме власти и панмонголистского теократического государства, направленного на объединение всех монгольских народов Китая и России. Но все эти попытки были обречены на поражение и привели только к эскалации насилия в регионе (Балакшин, 1958). Центр тяжести переносится в Китай, откуда активная часть эмиграции пытается продолжать борьбу с Красной Армией при поддержке сначала китайских, а потом и японских военных. Поражение квантунской армии положило конец Казачьей Вандеи. Следует отметить, что стерилизация приграничных районов Забайкалья и Монголии, смертная казнь Г. М. Семенова (1946) и массовые репрессии в Трехречье (1945–1947) стали не концом, а началом новой истории символического присутствия семеновцев в Советском Забайкалье, МНР и Китае. Правление Семенова становится главной официальной травмой Забайкалья, все региональные места памяти подчинены коммеморации жертв семеновского правления. «Власть Атамана» становится воплощением абсолютного зла и политического садизма, абсолютно не поддающегося рациональному объяснению. Как в научной, так и популярной литературе начинаются инфляция количества жертв семеновского террора и распространение апокалиптических описаний семеновских застенков (Романов, 2013, с. 226). После смерти Сталина рассказы об атамане и его последователях принимают характер коллективной ретрогаллюцинации о присутствии в регионе трансграничной сети антикоммунистического сопротивления, угрожающей каждому советскому человеку (Peshkov, 2014). Официальные и неофициальные рассказы про зверства Семенова и семеновцев были основой идентичности Советского Забайкалья и элементом практик забвения (*denail practices*) многолетнего процесса декаказикизации региона и маргинализации старожилов. Согласно своеобразной дискурсивной логике, практики забвения абсолютно переворачивают контекст событий, представляя репрессии как форму обороны общества перед стигматизируемой группой (Figes, 2007; Humphrey, 2002). Реальные и вымышленные преступления семеновцев (во многом конструируемые на основе вневременной легитимности социалистических институтов) представлялись как легитимная причина «перегибов» и антиказачьих фобий коммунистов. Следует отметить, что в черной легенде Семенова его сторонники (семеновцы) выполняют гораздо больше коммуникативных функций. Этот негативный маркер одновременно концептуализировал неофициальную трансграничную мобильность (только враг не хочет жить в СССР), политизировал альтернативные модели русской культуры и ориентализировал (в смысле Э. Саида) синкретические культурные формы как отсталость и экзотику (безальтернативность советской модернизации). Семеновцы становятся негативным маркером трансграничных старожильческих сообществ, часто вообще не связанных с активностью атамана, как местнорусские в Монголии (Михалев, 2009). Стереотип семеновца проецировался на русских и бурятских беженцев в Китай, что во многом определяло правомерность карательных акций в регионе. Гораздо важнее роль стереотипа в восприятии фронтальных сообществ в Забайкалье, Китае и Монголии. Мифы о существовании в приграничной зоне культурно близкой, но политически далекой группы, живущей рядом с нами, часто вообще не имели реальных оснований и решали внутренние проблемы советского общества. В декорациях семеновской легенды общественное сознание позднего СССР

концептуализировало альтернативные и менее престижные модели русской культуры вне СССР и соотношение этнической и политической солидарности. Если белогвардейцы при всей идеологической обусловленности стереотипа воспринимались как престижный враг, представляющий высокую модель русской культуры, то «атаманщина» казалась и кажется до сих пор абсолютной дикостью, варварством и проявлением азиатской жестокости (Савченко, 2007). Советский человек воспринимал семеновцев как более ориентализированную маргинальную субкультуру. В этом контексте дискурс о семеновцах имел достаточно сложную структуру одновременно политической, расовой и культурной дискриминации.

Сила этой легенды была настолько велика, что она затронула сердца части «распознанных» сообществ. Советское Забайкалье, разрушенное кровавой и братоубийственной войной, рассказыванием и политикой стерилизации границ, не только откликнулось на призыв увидеть врага на своей территории, но и пошло дальше, узнавая его в себе. Захват дискурсивного поля семеновской легенды жителями Восточного Забайкалья приводит к созданию компенсаторного дискурса на базе советских мифологем. Причиной такого глубокого резонанса, казалось бы, абсолютно негативной проекции было сочетание локальности главных антигероев и парадоксально советского характера образа Семенова: решительного и безжалостного вождя, готового на все для реализации своих целей. Кроме этого, Семенов становится символом поступка, немислимого для советского человека: смертельного вызова советской власти. Аффирмативное прочтение мифа противопоставило советскому обществу не столько автономную память о травме декаказации, сколько активизирующее почтение травмы как результата достойного поражения в неравной борьбе. В этой перспективе страхи противника (советского общества) перед их (сообщества) испепеляющей мощью не только проясняют их жизненную ситуацию, но и позволяют спокойно и даже с гордостью принимать практики дискриминации (Peshkov, 2014). Неизбежная советизация антисоветского (практикование символических форм политической конфронтации с СССР на основе советских мифологем и советской аксиологии) приводит к прямому использованию официальной легенды, немного смещая аксиологию антикоммунистического насилия (Peshkov, 2012). Теперь уже советские места памяти, уроки истории в школе и даже советские фильмы о гражданской войне усиливают альтернативную версию, представляя героическое самоубийство казачьего Забайкалья. Понимание этого способа переживания прошлого требует отказа от черно-белых противопоставлений: главным мотивом популярности Семенова была обида на рассказывание красных партизан в Забайкалье, советское воспитание облегчало присвоение советских культурных моделей памяти, а транслируемые в семье элементы казачьей культуры делали невозможной позицию жертвы. В «великой казачьей катастрофе Забайкалья» политическая победа была скорректирована неформальной памятью: если номинально победа большевиков никем не оспаривалась, битву за благодарную память (даже в случае детей красных партизан) выиграл несомненно Г. М. Семенов, превращаясь в символ любого сопротивления советской власти.

Наследницы славы Атамана: женщины и прославление невозможного

Парадоксом послевоенного периода является доминирование женщин в роли наследников славы атамана. Среди причин этой ситуации можно перечислить

разницу в гендерном опыте у жителей Забайкалья. Опыт женщин в регионе был более локален, они были меньше подвержены идеологии и больше поддерживали семейные связи. Кроме этого, в культуре забайкальских казаков женщина традиционно воспринималась как хранительница славы предков. Но самую главную роль в процессе феминизации, казалось бы, максимально брутальной мифологии была специфика женских рассказов о прошлом. Подобно Антигоне, они смешивали осторожные воспоминания с прямыми политическими декларациями, делая невозможным различение семейного и политического (Straus, 2013). Практически не затрагивая конфронтацию, они возвращают достоинство своим отцам и братьям через оправдание их действий (как судьбы), и самое главное — несогласие на забвение. Навязывая доминирующему сообществу словарь «женской перспективы» и акцентируя собственное право на альтернативную память, жительницы Забайкалья превратили неразрешимый конфликт идеологий в трагедию личного, локального и укорененного. Пересмотру подвергается дореволюционное прошлое (счастливая жизнь), оценка участия в белом движении (случайность), оценка действий Семенова (человек из хорошей семьи) и статус победившей стороны (чужаки). Пересмотр прошлого ведет к переоценке советского настоящего. Пересмотр оценки участия в белом движении подвергает сомнению общее согласие на уничтожение врагов, а перемена политического конфликта в конфронтацию чужого с местным полностью меняет статус советской власти в регионе. Сейчас эти оценки кажутся не лишены здравого смысла, но в советское время они были за гранью добра и зла. Смешивая деревенские подробности и персонализируя события, эти рассказы втягивали советского человека в диалог с абсолютно запрещенными контекстами и перспективами. Женские истории обходят конфронтацию, но при этом окончательно легитимируют участие в ней в роли «врага». Типичным рассказом могут быть слова респондентки: *Что им (казакам. — И. П.) было делать? К красным идти? Своих убивать? Конечно, там тоже не все святые были, но все, что о них коммунисты говорят, — неправда. Простые, нормальные, обычные парни. Вся их «вина», что не могли смотреть на все это. Что пытались защититься¹.*

Сила этой перспективы в том, что она противопоставляет идеологии свой немного наивный язык, полностью меняющий установленные каноны (Scott, 2009). Вместо ужасов дореволюционного времени — счастливая жизнь казачьих станиц, вместо политической солидарности — сила семейных связей, вместо политической сознательности — бессмысленный фанатизм. Эта пересборка политического словаря позиции превращает гражданскую войну в битву местного с чужим, в которой все участники по-своему ошибаются, но ошибки своих понятнее и прощательнее. Важную роль играет фигура атамана, рассказы о его семье и родственниках звучат в каждом казачьем доме. Локальность главного героя приводит к появлению многочисленных историй о дружбе с семьей Семенова, трансформируя образы бесчеловечных преступлений семеновцев в местную драму, вписанную в систему родственных и дружеских связей. Так, одна из моих родственниц сообщила мне в конце 80-х: *Мама атамана Семенова была очень*

¹ Е. П., 84 года, г. Чита, 01.08.2014.

хорошим человеком. Все к ней хорошо относились. Наша семья продавала им продукты, и мы жили очень дружно. Жестокие казаки Семенова в этих рассказах становятся «нашими мальчиками», втянутыми внешними силами в бессмысленный конфликт, но показавшими себя лихими казаками.

Решая дилемму Антигоны (однозначный выбор между личной и официальной памятью), жительницы Забайкалья переворачивают советскую темпоральность. Вместо предлагаемого государством водораздела между темным прошлым и все более светлым настоящим в их рассказах светлое прошлое было разрушено мрачным советским настоящим. Сама конфронтация в этом контексте становится просто переходом в пустое время разрушения и упадка: *(При царе. — И. П.)... жили хорошо, достойно. Потом пришли «эти», стали забирать и грабить. Парни возмутились и ушли к Семенову. И уже не было для наших места здесь. Просто хотели порядка и спокойно жить. За что нас так ненавидят. Ведь ничего у них (коммунистов. — И. П.) не вышло. Ничего не могут, только убивать*¹.

Проигравшая сторона предстает как жертва бессмысленной конфронтации. Мир победителей обесценивается и является символом упадка и пустой пропаганды. Варварство победителей проявляется и в отношении к мертвым. Отсутствие кладбищ политических оппонентов (не говоря уже о памятниках) воспринимается как запрет погребения. В стране, где после многолетней и кровопролитной войны не осталось ни одного кладбища белогвардейцев, память о непогребенных являлась несомненно требованием прав на умерших. Эта перспектива резко меняет оценку опыта репрессий. Вместо привычных оправданий перегибами и ошибками они предстают как осмысленная акция истребления казаков и месть за сопротивление коммунистам. Несмотря на отсутствие прямых политических заявлений, эта стратегия эффективно поддерживала и воспроизводила альтернативную память в регионе. Представляя травматический опыт гражданской войны в деревенской перспективе, она позволяла сохранять дистанцию от идеологии, практически не вступая с ней в конфронтацию. Принимая фольклорные формы, эти рассказы были в состоянии подрывать доверие к основам существующего строя.

Граница и примирение

В известной и немного меланхолической работе Ильи и Эмилии Казаковых «*Человек, пролезающий сквозь стену*», жестко зафиксирован момент неразделимости преграды и попыток ее преодоления. Напрасно искать здесь следы вечного мифа о возможности преодоления ограничений — предлагаемая артистами история как бы не предполагает саму возможность финала. Название обманчиво подчеркивает процесс, хотя герой замер на стене и практически становится с ней как одно целое. Зритель видит одновременно попытку преодоления и поглощения героя преградой. Для исследователя приграничного прошлого этот образ может символизировать несколько ключевых моментов: трудности и ограничения неизбежно внешней позиции к объекту исследований, разрыв, связанный с изменением режима управления границей.

Роль режима управления границей является здесь ключевой: каждая перемена приводила к маргинализации одних сообществ и временному восхождению других. Российская граница в регионе во многом опиралась на казачьи поселе-

¹ Т. С., 75 лет, г. Чита, 2.10.2014.

ния, советский режим управления приграничными территориями приводит к исчезновению казаков, а постсоветская модель открытой границы маргинализирует защитников советской границы, оставляя их без работы и ясных жизненных приоритетов. Демилитаризация границ, экономические сложности отдаленных районов и массовый исход населения моментально превратили пространство общесоюзного усилия в маргинальные зоны выживания, отчаянно пытающиеся сохранить достижения советской модернизации. Диспозитив управления советской границей растворяется, оставляя после себя следы в языке, системе брошенных объектов, временно или постоянно ненужных пространств, воспоминаниях местного населения и упорных попытках реактивации статуса закрытых поселений. Исследователь попадает в мир имперских и советских следов, археология которых требует постоянного внимания к сложной системе цитат, зеркальных категорий и переплетению локального и космополитического.

Регион проходит особенный путь трансформации, где нерыночные формы адаптации военно-промышленных баз основываются на приграничной торговле и сезонной миграции. Локализация периферийного региона возле большого и сильного государства усиливает перспективу цивилизационной солидарности, в которой политическая лояльность становится менее важной, чем цивилизационная. В этой перспективе «запрещенные сообщества» включаются в общее прошлое, которое не имеет яркого политического модуса и не касается трудных вопросов. В этом контексте попытки равноудаления «советских» и «семеновских» знаков при постепенном переходе региона к деполитизированным и трансграничным формам локальности в которой история становится общей собственностью, а не ареной борьбы, гармонично сочетаются с попытками удержания советской модели модернизации.

Исчезновение СССР не означало победу семеновского мифа. После короткой эйфории попыткой заменить советских героев на несоветских, пришло понимание невозможности продолжения мистерии. Контрпамять оказалась «антикоммунистической по форме, но социалистической по содержанию»: она перенесла на Семенова советские воображения о праве на насилие, о приграничной территории как пространстве невозможного (уходящих за кордон сетей казачьего сопротивления) и о праве «нашей власти» на превентивные репрессии (Peshkov, 2014). Во многом опережая восточноевропейские страны, Забайкалье попыталось оформить триумфальное возвращение «пламенных контрреволюционеров» в центр общественной жизни. Бывшее советское Забайкалье, стремительно превращаясь из бастиона советского государства в периферийный и бедный регион, по понятным причинам оказалось не готовым к конверсии демонов в ангелов, сохраняя советские мифологемы как основу идентичности региона. Неудача постигла не только попытки реабилитации Семенова, но даже установки мемориальной таблицы. Кроме возрождающегося казачества и части историков, заинтересованных в пересмотре региональной истории, никто не был заинтересован в пересмотре отношения к мифическим последователям атамана. В этой перспективе фигура Семенова символизирует локальную альтернативу, но не может вписаться в модель асимметричного примирения. Кроме этого, превращение советских мифологем из официальных в частные во многом ломают принятые модели противопоставления между местным и внешним. С этой точки

зрения советское и его региональная альтернатива связаны общим разрывом с сегодняшним временем. Только активизация ностальгии по советскому или скромные попытки спонтанной ре-сталинизации оживляют фантом как в виде внешней памяти о поисках семеновцев в регионе, так и внутренней, направленной на возвеличивание катастрофы казачьего Забайкалья.

Несмотря на поражение «новых победителей в гражданской войне», следует отметить влияние описанных практик на поиски примирения в регионе. Именно ведущая роль женщин позволила «разоружить» память. Во многом опережая другие регионы страны, регион имел опыт низового переосмысления гражданской войны как национальной катастрофы, в которой нет победителей. Альтернативная память научила жить с катастрофой и держаться локальных связей. Показывая амбивалентность насилия и относительность политических идей, эти практики дали возможность постепенного ослабления абстрактных идей конфронтации. Кроме этого, героини статьи обратили внимание на ценность семейных и локальных связей, религиозный долг погребения мертвых и императивы примирения.

Заключение

Говорить от имени мертвых, оставляя их в прошлом, — одна из главных задач культуры. Но, призывая прошлое, мы в какой-то степени призываем мертвых, их требования и их права. Пример Антигоны убедительно показывает, что мы не в состоянии представить всех последствий диалога с прошлым, если серьезно отнесемся к правам ушедших. Даже инструментальное использование возвращения ушедших приводит к новым проблемам в виде возникновения новых сообществ, «узнающих» себя в чужих биографиях, или крайней политизации чужих биографий, воспроизводящей прежние конфликты. Призывая запрещенное прошлое, жительницы Забайкалья заставили советское общество посмотреть в глаза собственным страхам по отношению к относительности официального революционного прошлого.

В статье представлен случай, когда представительницы стигматизированного сообщества обретают дееспособность через открытое провозглашение собственных версий прошлого (Тлостанова, 2008). Для каждого советского гражданина прошлое было минным полем и собственностью государства. Описанные практики приватизации прошлого, рассмотренные в перспективе активного прочтения женской памяти (дилемма Антигоны), сыграли большую роль в сохранении альтернативных версий прошлого и парадоксально сделали возможным примирение в постсоветскую эпоху. Причиной этого была специфика женской памяти в регионе, отсылающая к семейным ценностям и относительности политических установок. Навязывая доминирующему сообществу словарь «женской перспективы» и акцентируя собственное право на альтернативную память, жительницы Забайкалья превратили неразрешимый конфликт идеологий в трагедию личного, локального и укорененного. Отсутствие призываемого проигравшего мира компенсируется обесцениваем мира победителей. Эта позиция превращает гражданскую войну в битву местного с чужим, в которой все участники по-своему ошибаются, но ошибки своих понятнее и прощательнее. В советских условиях это означает несогласие на исчезновение непогребенных врагов. Как и Антигона, они отказывают власти в праве оставить противников непогребенными, возвращая павшим их достоинство и право на ошибку. Возвращая «запрещенным героям» их достоинство, Антигоны из Забайкалья принесли идею сосуществования разных политических моделей.

Литература

1. Агамбен Дж. Оставшееся время. Комментарий к Посланию к римлянам. Москва: Новое литературное обозрение, 2018. 224 с. Текст: непосредственный.
2. Балакшин П. Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке. Сан-Франциско; Париж; Нью-Йорк: Сириус, 1958. Т. 1. 430 с. Текст: непосредственный.
3. Михалев А. В. «Русский квартал» Улан-Батора: социальные границы и классификационные практики // VIII Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов (г. Оренбург, 1–5 июля 2009 г.). Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2009. С. 327–328. Текст: непосредственный.
4. Пешков И. О. Гураны, семеновцы, местнорусские. Специфика идентичности и культуры забайкальских гуранов в Монголии // Россия в Монголии: история и современность, Улан-Батор: Арвай принт, 2008. С. 112–121. Текст: непосредственный.
5. Романов А. М. Особый маньчжурский отряд атамана Семенова. Иркутск: Оттиск, 2013. 307 с. Текст: непосредственный.
6. Саблин И. Дальневосточная республика: от идеи до ликвидации. Москва: Новое литературное обозрение, 2020. 471 с. Текст: непосредственный.
7. Савченко С. Н. Дальневосточный казачий сепаратизм в годы гражданской войны (1918–1920) // Россия и АТР. 2007. № 4. С. 25–40. Текст: непосредственный.
8. Тлостанова М. В. Деколониальный проект: от политической деколонизации к деколонизации мышления и сознания (начало) // Личность. Культура. Общество. 2008. Т. 10, вып. 5–6(44–45). С. 170–183. Текст: непосредственный.
9. Benveniste E. Problèmes de linguistique générale. Paris, N.R.F., Bibliothèque des sciences humaines. 1966. Vol. 1. 650 p.
10. Figes O. The Whisperers: Private Life in Stalin's Russia. New York: Metropolitan Books, 2007. 740 p.
11. Humphrey C. Stalin and the Blue Elephant: Paranoia and Complicity in Postcommunist Metahistories, Diogenes. 2002. Vol. 49/2, No 194. Pp. 26–33.
12. Lindgren E. J. North-Western Manchuria and the Reindeer-Tungus, The Geographical Journal. 1930. LXXV (June). Pp. 518–534.
13. Lindgren E. J. An Example of Culture Contact without Conflict: Reindeer Tungus and Cossacks of Northwestern Manchuria, American Anthropologist. 1938. New Series, Vol. 40, No. 4. Part 1 (Oct.–Dec.). Pp. 605–621.
14. Peshkov I. Politization of Quasi-Indigenes on the Russo-Chinese Frontier, in: Franck Bille, Gregory Delaplace and Caroline Humphrey (eds.) Frontier Encounters: Knowledge and Practices at the Russian, Chinese and Mongolian Border. Cambridge: Open Book Publisher, 2012. Pp.165–183.
15. Peshkov I. Usable Past for a Transbaikalian Borderline Town. “Disarmament” of Memory and Geographical Imagination in Priargunsk, Inner Asia. 2014. № 16. Pp. 95–115.
16. Scott J. The Art of Not Being Governed: an Anarchist History of Upland Southeast Asia. New Haven: Yale University Press, 2009. 464 p.
17. Strauss J. Private lives, public deaths: Antigone and the invention of individuality. New York: Fordham University Press, 2013. 216 p.
18. Zalejko G. Soviet Historiography as „Normal Science” // Historiography between Modernism and Postmodernism. Contributions to the Methodology of the Historical Research; ed. Jerzy Topolski. Amsterdam–Atlanta, 1994. Pp. 179–190.

Статья поступила в редакцию 30.06.2021; одобрена после рецензирования 23.08.2021; принята к публикации 03.09.2021.

“ANTIGONES” FROM TRANSBAIKALIA. THE SPECIFICITY OF WOMEN’S
COUNTER-MEMORY IN THE BORDER REGIONS OF INNER ASIA

Ivan O. Peshkov

Ph.D., Director of the Center for Central Asian Studies,
Adam Mickiewicz University in Poznan
1 Venyavskogo St., Poznan 61-712, Poland
ivanpeshkov2007@yandex.ru

Abstract. Stalinist mass violence led to the dispersion of Transbaikalian Cossacks, the loss of their material and cultural base, the decrease of their population and the disintegration of the group. The reaction of the ex-Cossack transborder society in the USSR, China and Mongolia were the counter-memory building practices including the glorification of anti-communist uprisings and great respect for the local warlord Ataman Semenov (being the symbol of resistance). These re-remembering practices of the ultra male-oriented and dominated community reveal essential gender aspects. Paradoxically, the Transbaikalian Cossack counter-memory is a mostly women project. The Socialist modernization trauma confronted Cossack women with the so-called Antigone dilemma of the choice between the family (memory) and the state (forced forgetting). This article aims at showing the specificity of Cossack women's memory-building practices from the perspective of the character of women's memories (connected with their family life, religious experiences and local social network), the difference between the sexes as regards the social experience in Transbaikalian villages and women's role in the Cossack tradition (telling the truth). The empirical foundations of this investigation are based on the field work and archive research conducted in Russia, Mongolia and China. The theoretical basis is the assumption of the mostly epistemological presence of the Past and the dependence of memory on the current social and cultural situation. Thus, that proves the active social role of memory and the impossibility of the purely autonomous collective memory in the conditions of isolation and mass political indoctrination. Nonetheless, the analyzed case has also shown the possibility of transforming ideological patterns into private mythology and the women's legends about the ancestors' glory, crucial for the cultural survival of the community.

Keywords: women's memory, Transbaikalian Cossacks, Inner Asia.

Acknowledgments. The article was prepared with the support of the National Science Center (Poland) (grant number DEC 2012/05/E/HS3/03527)

For citation

Peshkov I. O. “Antigones” from Transbaikalia. The Specificity of Women's Counter-Memory in the Border Regions of Inner Asia. *Bulletin of Buryat State University. Humanities Research of Inner Asia*. 2021; 2: 28–38 (In Russ.).

The article was submitted 30.06.2021; approved after reviewing 23.08.2021; accepted for publication 03.09.2021.